

его дуэль: он дрался еще и в другой раз). Я слышал от него самого, будто противник сказал ему: «Я быстро вас одолею, вы взялись не за свое дело». — «Тем не менее, — добавил коадьютор,³ — он оставил, по думаю, чтобы нарочно, широкую кожаную перевязь, не будь которой, я бы сильно его поранил, ибо удар пришелся как раз по ней». Все это он мне рассказывал, не называя имен, и я так и не узнал причины их ссоры.

Аббат также рассказывал мне историю о некоем придворном — впоследствии я узнал, что речь шла о нем самом, — который заперся в комнате со знатной дамою, коей обладал, и, услышав шум, вынужден был отпереть дверь из опасения оказаться застигнутым врасплох; на него напали вооруженные люди. Он отогнал их от двери, запер ее и продолжал ласкать свою красавицу, словно находился с нею в самом надежном месте. «Надобно, — говорил он мне, — всего этого не бояться. Тот же самый человек, — добавлял он, — хотя ему сообщали, что муж собирается его убить, по-прежнему показывался всюду, как обычно, и без всякого сопровождения». Не знаю, правдива эта история или нет, но я все же сошлюсь на нее: по ней можно судить о характере этого человека.

Аббат де Рец дрался также с аббатом де Праленом, ныне маркизом де Праленом, который женился на м-ль д'Эскар, младшей сестре г-жи д'Отфор. Он вышел победителем, но граф д'Аркур, который был секундантом у Пралена, взял верх над секундантом аббата де Реца.

Он всегда отличался беспокойным нравом, хвастался, будто многое знает о намерениях графа Суассонского и однажды вручил пакет в Тюильрийском дворце г-ну де Ту, который потом ему сказал: «Ей-ей, г-н Аббат, вы, как видно, высокого мнения о моей чести, коли отдали сей пакет мне, ибо это весьма отважный поступок».

Насилие кардинала Ришелье по отношению к отцу Гонди, которого он принудил продать должность Генерала Галерного флота, крайне возмутило Аббата; да и не будь этого, верьте моему слову, Аббат все равно остался бы его врагом. Он был слишком честолюбив и похвалялся тем, что его отец, брат и он сам были единственными представителями знати, кои не склонились перед Кардиналом. Он написал эпитафию в прозе памяти графа Суассонского, где называл его последним из героев.

Когда зашел вопрос о получении докторской шапочки в Сорбонне, он посвятил свои ученые сочинения различным святым, дабы не посвящать их власти имущим. Он вознамерился одолеть в открытом диспуте аббата де Суффика де Ламонт-Уданкура, родственника г-на де Нуайе, — это нынешний г-н де Ренн. Ему пригрозили вмешательством Кардинала; де Реца пытались уговорить, но он идти на попятный не пожелал и выступил смело. Правда, Сорбонна из уважения к кардиналу де Гонди поддержала де Реца и пояснила, думается мне, кардиналу Ришелье, что она не вправе отвергнуть племянника прелата, которому она столь мно-